

Окно Овертона как средство дегуманизации Запада в условиях информационного общества

Статья рекомендована А.Ю. Алексеевой 11.10.2018.

ИЛЬИН Алексей Николаевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии, Омский государственный педагогический университет

Аннотация

Современные западные ценности претерпевают ползучую трансформацию. Наблюдается решительное наступление на здоровую культуру «новых ценностей». Пропагандируется половая распущенность, толерантность к гомосексуализму, однополым бракам и другим явлениям, которые приводят к дегуманизации общества. Влиятельные транснациональные акторы насаждают новые ценности для дегуманизации населения целых стран, атомизации обществ, депопуляции населения, нейтрализации социального протеста против вероломного транснационального капитала. В статье приводится механизм действия технологии «окно Овертона» на примере реализующейся на Западе пропаганды. Новизной авторского подхода является выделение идей-целей и идей-средств в механизме функционирования «окна Овертона».

Ключевые слова:

Запад, окно Овертона, толерантность, легитимация, депопуляция, сексуальные перверсии, дегуманизация.

Западная культура сегодня претерпевает серьезную ценностную трансформацию. В условиях информационного общества открываются возможности широкого медийного влияния на социум, «воспитания» его в «нужной» парадигме. Этот процесс становится успешным, когда почти все медийные средства инфраструктуры информационного общества направляются на реализацию единой цели. Однако стоит добавить, что информационная эпоха характеризуется как ростом информации, так и стремительным заполнением информационного пространства псевдоинформационным спамом [2], а вместе с тем и пропагандистским мусором, который при его большой доле в медийном пространстве способен осуществлять культурный демонтаж общества.

Получившая культурную гегемонию идея толерантности гласит, что гуманизм проявляет себя в уважении к любой системе ценностей. Критерии добра и зла нейтрализуются, расширяется поле дозволенного. Ценности и жизненные практики (в первую очередь связанные с сексуальными перверсиями), которые ранее считались маргинальными и выходящими за поле социокультурной нормальности, теперь входят в нормативное пространство и даже получают особую рекламу в качестве передовых. Нетрадиционная сексуальная ориентация не просто вступает в поле нормальности, а воспевается в качестве достоинства и даже прогрессивного блага. Символ блага получают однополые браки, а в последнее время началась пропаганда даже межвидовых браков. Причем прежние ценности медленно, но верно отодвигаются в сторону, лишаясь своего некогда высокого социокультурного положения. Те ценности

и жизненные практики, которые традиционно считались нормальными, уступают место «новой нормальности».

В условиях неопределенности границ дозволенного сама идея толерантности обретает дегуманизирующий характер. Дегуманизирующий смысл происходящих культурных трансформаций скрывается за эмоционально привлекательными наименованиями типа прав человека и демократии. Социально вредной идеологии и абсолютизируемым ею жизненным практикам придается множество благозвучных названий, которые являются терминами-симулякрами, скрывающими истинную суть означаемых явлений. Защита прав меньшинств под флагом демократии и прав человека обычно представляет собой наступление на права большинства, и права человека необоснованно отождествляются с правами меньшинства. Идеологическое превознесение гомосексуализма, трансвестизма и т.д., запрет на их критику по существу выступают защитой прав извращенного меньшинства от большинства. Абсолютизация прав социальных меньшинств (к тому же наиболее радикальных по отношению к традиционной культуре) — это одновременно ущемление прав большинства. Притесняемым становится социальное большинство.

Идея толерантности насаждается антидемократично, без учета мнения общественности. Она навязывается влиятельными транснациональными акторами, сращенными с представителями государственных бюрократий. Социальное большинство, отказывающееся поддерживать «новые ценности», привлекает на себя обвинения в архаичной интолерантности. Критика сексуальных перверсий подается как заслуживающая порицания интолерантная гомофобия, а отрицательно относящиеся к гей-пропаганде родители рискуют стать клиентами для ювенальных служб. Пропагандируется тезис о свободе самовыражения, но в реальности особым рекламным продвижением пользуются те формы самовыражения, которые представляют собой максимально эпатажный выход за пределы традиционно понимаемой нравственности. На Западе *требуется одновременно проявление толерантности как к разным практикам и точкам зрения, так и к самому факту насаждения этой толерантной линии*. То есть прививается обязательная толерантность к толерантности.

Распространенная идея о постмодернистской релятивизации ценностей не вполне верна. Она предполагает уравнивание ценностей и жизненных практик, вместо которого происходит их «иерархизация наоборот». Уравнивание достойного и недостойного уступило место «социокультурному перегибу» в сторону недостойного. Больному, злостому и неразумному дается больше права на существование, чем здоровому, доброму и разумному.

Даже школы переориентируются под апологию сексуальной перверсивности, что является разворотом к деинтеллектуализации и дегуманизации сознания детей. Европейские образовательные стандарты «обогащаются» уроками раскрепощения и сексуального воспитания. Вместо «нормальных» дисциплин в школе в приоритете сексуальное воспитание. Половая идентичность размывается, детей учат выбору пола, причем вариантов предоставляется более двух.

Рост пропаганды сексуальных извращений создаст расширение соответствующих социальных групп. Для народа, где растет количество гомосексуалистов и трансвеститов, а также повышается градус антисемейной пропаганды, актуализируются риски снижения рождаемости. Это особенно актуально

для Европы, где формируется «демографический крест»: под влиянием потребительской и антисемейной пропаганды падает рождаемость среди местных народов, но демография восполняется приливом беженцев из Ближнего Востока.

Даже наметилась тенденция некрофилизации общественного сознания. Детям показывают внутренности животных, в глумливом виде им демонстрируют на выставках тела умерших людей — в том числе в позах, имитирующих половой акт. Производятся сладкие изделия в виде внутренних органов. Возникают сообщества некрофилов.

Тенденции, которые именуются способами защиты прав человека, свободы и демократии, приводят к расчеловечиванию. Под риторику о защите прав меньшинств, демократии и свободы реализуется проект дегуманизации и депопуляции западного мира. Грань между культурой и анти-культурой стирается, и последняя получает статус культуры.

Действительно радикальное нововведение не может быть внедрено в общественное сознание в один шаг, молниеносно. Чем большим радикализмом с точки зрения господствующей культуры оно отличается, тем больше времени требуется для социальной интериоризации соответствующей идеи. Легитимация гомофилии, педофилии и прочих извращений происходит постепенно, без резкого эпатажирования, чтобы нейтрализовать не менее резкое отторжение. Процесс ориентирован на многоэтапность. Для реализации радикального с точки зрения господствующей культуры явления в качестве идеи-цели нужно создать и внедрить в общественное сознание большое количество идей-средств, любая из которых выступает кирпичиком в строительстве нового здания. Каждая идея-средство в отдельности выглядит намного менее радикальной и эпатажной и потому её легче внедрить в культуру общества, чем идею-цель. Реализуется «цепочка внедрения», когда от легитимации менее радикальных идей процесс идет к легитимации максимально радикального целого, которое к данному моменту уже не представляется социумом слишком радикальным и антигуманным. После медленного насаждения цепочки ценностей (идей-средств, работающих на более общую идею-цель) главная идея уже воспринимается совсем иначе, чем до «включения» этого процесса. Быстрота в этом деле скажется на эффективности, поскольку резко брошенная фраза «каннибализм нам необходим» явно не найдет понимания. По аналогии: если бросить лягушку в горячую воду, она сразу выпрыгнет оттуда. Но при медленном повышении температуры воды лягушка не заметит изменений и сварится.

Конечно, в процессе функционирования «цепочки внедрения» идеям-средствам придумываются красивые названия, связанные со свободой, правами человека/ребенка, возможностью самовыражения и т.д. Идея-цель тоже облекается в терминологически пристойную обертку.

В скандинавских странах обсуждают вопрос о том, должны ли ювеналы изымать из семей престарелых членов семьи. Ранее проведение таких дискуссий никому в голову не приходило. Однако чем больше говорят о явлении, некогда бывшем табуированным и вызывающим категоричную неприязнь, еще в мягкой форме его оправдывают, тем более прежняя категоричность смягчается, и явление если не приобретает позитивно оцениваемый статус, то освобождается от резко негативного отношения. Перед тем, как начать обсуждать вопрос об обязанности ювенальных служб забирать престарелых людей, следовало

сначала легитимировать в массовом сознании ювенальную юстицию как таковую. Это было сделано во многих западных странах уже довольно давно.

Процедуру постепенной легитимации того, что ранее в общественном мнении находилось за пределами дозволенного, называют «окном Овертона». Сначала недозволенное представляется немыслимым, потом — возможным, после этого — радикальным, затем — допустимым, потом — полезным, после этого — популярным, а на последнем этапе — необходимым и даже «крутым». На каждом из этих этапов происходит пересмотр проблемы в сторону ее легитимации до одобрения, восхваления и абсолютизации. Предполагается именно постепенное «воспитание» общества, медленное навязывание ему «нужных» ценностей. Каждая из этих ценностей в относительно длинной цепи кажется более или менее разумной.

Сначала разворачивается некая дискуссия о неприемлемом: инцест, эвтаназия, каннибализм, гомосексуализм, однополые браки, проституция, некрофилия, трансвестизм и т.д. Ранее высеченную золотом в мраморе табуированность определенной проблемы превращают в предмет дискуссии. Говорится, что в условиях демократии позволительно обсуждать все что угодно — ведь свобода слова этому способствует. К такой аргументации добавляется тезис, что ученые изучают все происходящее в мире, и потому для научного поиска и рассуждения нет никаких барьеров. Авторитет (или человек, представляемый авторитетным) в области науки заявляет, что обсуждаемое явление вполне возможно, не противоречит законам природы или человеческой цивилизации. Из табуированной, абсолютно немыслимой темы оно переходит не сразу в легитимную, а в радикальную, но при этом достойную обсуждения. Принципиально не-дискуссионная тема становится дискуссионной, предполагающей различие мнений. В информационной среде появляется большое количество позиций по этой проблеме, проводятся споры и дебаты, а также возникают привлекающие внимание эпатажные выходки.

С. Жижек относительно нормализации пыток на примере фильма «Цель номер один» утверждает: «А как насчет такого «реалистического» аргумента: пытки имели место всегда, как мало что другое (недалеком) прошлом, так не лучше ли, по крайней мере, развернуть публичную дискуссию о них? Но в этом и заключается проблема: если пытки всегда имели место, почему те, в чьих руках сосредоточена власть, вдруг решили поговорить с нами о них открыто? Ответ может быть лишь один: чтобы сделать их нормой, то есть понизить этические стандарты. Это и есть главная идея: легко представить себе отчаянную ситуацию, в которой человек поддается искушению начать пытку одного ради спасения тысяч, однако крайне важно, чтобы такие экстремальные ситуации не были объявлены нормой и сведены к стандартной процедуре, поскольку нормализация заставит нас закрыть глаза на ужас того, что мы творим» [1, с. 430–431].

На следующем этапе обсуждаемое явление воспевается в музыке, показывается в кино, находит свою репрезентацию в картинах художников, обсуждается в научных и политических дискуссиях. Искусство начинает буквально «работать» на оправдание этого явления, используя многообразную (художественную, словесную, кинематографическую, музыкальную и т.д.) методологию. Некоторые известные персоны из шоу-бизнеса признаются в своей причастности к данному явлению. После такого медийного напора оно в глазах людей

перерастает в приемлемое, разумное, нормальное, популярное, а затем — и в респектабельное (как рекламируемый сегодня на Западе гомосексуализм — прямо оплот успеха и престижа). На этом этапе начинается самовоспроизводство явления в медиа-среде и, как следствие, в реальной социальной жизни. Заодно осуществляется подмена терминов, и обсуждаемому явлению дается более благозвучное и «политкорректное» наименование.

Далее публикуются результаты якобы социологических опросов, которые указывают на принятие в обществе пропагандируемого явления. То, что подается под видом соцопроса, является элементом пропаганды, а не отражением реального общественного мнения. Парадоксально, но факт: социум о своем мнении узнает из того, что названо социологическим опросом, и эта информатизация (которую вернее было бы назвать псевдоинформатизацией) работает на формирование общественного мнения в «нужном» русле. Затем начинает оформляться юридическая база по легализации так планомерно раскручиваемого объекта.

Таким образом и каннибализм легитимировать легко. Опишем кратко поэтапную возможность для такого проекта. На первом этапе собирается симпозиум ученых, где доказывается, что людоедство генетически заложено в человеке. Вспоминается факт, что когда человек нечаянно режет палец, он прикладывает его ко рту. Позже на основе этого факта будет заявлено, будто каннибализм — нормальное и естественное явление, характеризующее природу человека. Эти идеи сопрягаются с данными о том, что в животном мире некоторые особи поедают представителей своего вида, и это нормально. Причем такие постулаты из ученого мира широко освещаются в СМИ. Заявляется, что в условиях свободы слова тема каннибализма не является табуированной и сама демократия требует разрешения свободно высказываться на любую тему.

Осуществляется буквально оруэлловский терминологический сдвиг — применяется вместо «каннибализма» лишенное негативных ассоциаций наименование типа «антропофилии»; ведь тот, кто питается людьми, любит людей. Такой термин вполне благозвучен и элегантен, как «гуманитарная интервенция» (наступательная война по-американски), «антитеррористическая операция» (устроенная киевскими террористами против народа Донбасса), «международное сообщество» (дестабилизирующие целые страны представители транснационального капитала). С помощью новой терминологии нарушается взаимосвязь между означаемым и означающим, словом и вещью, суть явления лишается своего легитимного означивания. Затем, опять же со ссылкой на демократию, тиражируется идея, согласно которой антропофилия морально и юридически допустима, поскольку она лежит в природе человека, некоторые люди желают быть съеденными, свободный человек имеет право для самоидентификации в самом широком смысле этого слова, вред от антропофилии не доказан. И так далее. Прилавки магазинов наполняются «безобидными» сладостями для детей в виде внутренних органов.

Так, на Украине активизировалось явление символического каннибализма. В ресторанах стали предлагаться блюда с названиями типа «печень сепаратиста», «жареный колорад», «кровь москальских младенцев». Особенно ужасающе выглядят торты, сделанные в виде младенца. Но тщательно де-гуманизованную многолетней пропагандой русофобствующую «золотую

молодежь» Украины они не ужасают. Находится немало людей, кто с улыбками проводит свой фашистско-сатанинский шабаш чревоугодия.

Согласно идее «окна Овертона», совершенно чуждые обществу и даже презируемые им ценности могут быть со временем легитимированы. Так происходит расчеловечение, на тропу которого встал современный западный мир. Но западные СМИ эту деградацию — вполне в соответствии с технологией «окна Овертона» — именуют прогрессом демократии (что является очередным словесным оксюмороном). С таким же успехом внезапно возникшее массовое сумасшествие можно выдать, например, за освобождение от культурных стереотипов и диктата бездушной рациональности. Безумие может назваться разумностью, а те, кто не поддерживает безумие и не участвует в нем, подвергнутся остракизму и будут объявлены безумными. Но, как бы негативное явление пропаганда ни называла, как черное не перекрашивала в белое, суть явления от этого не поменяется и регресс не превратится волшебным образом в прогресс. Когда нарушаются запреты и табу, благодаря функционированию которых люди остаются людьми, происходит их отдаление от своей собственно человеческой сущности.

Приведем следующий пример реализации идеи посредством «окна Овертона». Сверхвлиятельные деятели мировой власти и бизнеса, которых в различных источниках называют глобализаторами или гипербуржуазией, задались идеей сокращения народонаселения планеты. Это — идея-цель. Для ее осуществления стали вбрасывать посредством глобальных СМИ в мировое сообщество идеи-средства. Заговорили о том, что природных ресурсов на всех не хватит. Вроде бы мысль реалистичная, только данная пресса «забывает» сказать о том, что ряд стран потребляют крайне мало, а США потребляет львиную долю ресурсов планеты, и наверняка лучший вариант — не сокращение численности человечества, а создание баланса потребления, в соответствии с которым целесообразно выравнивание уровня благосостояния стран и народов.

Затем начинают продвигать однополые браки, гомосексуализм представляется не просто допустимым, а престижным явлением, символом крутости и современности. На Западе пропаганда гомосексуализма приобретает все более массивный характер. На Евровидении побеждает существо непонятного пола, и даже подчеркивается, что достижение успеха — залог нетрадиционной сексуальной ориентации и/или варьирования половой идентичности. Если удастся создать достаточный уровень гомосексуализма в обществе, начнет снижаться уровень его воспроизводства. Вместе с тем гомосексуальным семьям разрешается усыновлять детей, что окажет сильное антитрадиционное влияние на сознание детей, на их восприятие семейных ценностей.

Формируется поддерживаемое государственными и/или транснационал-капиталистическими структурами движение радикальных феминистов, которые совершают нападки на сексуальную связь женщины с мужчиной, рассматривая секс как пособничество женщины мужчине-врагу; так защищается лесбиянство. Благодаря феминистам находит свою легализацию понятие «супружеское изнасилование», с супружеской сексуальной связи снимается статус обязанности, и возникает щекотливая ситуация, когда любой сексуальный акт при желании можно трактовать как изнасилование. В совокупности радикально-феминистские идеи и практики наносят сильный удар по традиционной семье, скрываясь за внешне пристойным призывом защиты прав женщин.

Начинает осуществляться «сексуальное просвещение» детей, когда школьников воспитывают в антиродительской парадигме, которая говорит о том, что растить детей — это очень трудно, затратно, психологически дискомфортно. Детей представляют как крикливых, постоянно болеющих, капризных и всегда требующих к себе внимания созданий. Семью превращают в пространство несчастья, совокупность постоянных ссор и конфликтов между супругами, братьями и сестрами, детьми и родителями. Актуализируется целый медиа-дискурс, в котором приводится страшная статистика совершенных в семье преступлений; естественно, это сопровождается усиленной конкретизацией и вызывающим отвращение наглядным материалом. Родительству противопоставляется индивидуальное благополучие и гедонистическая жизнь, лишенная обузы. Возводится в культ достоинство безответственно-потребительской жизни «в кайф» и отсутствия обязательств. Формируются движения в стиле child free, получающие серьезную медиа-поддержку.

В поле массового потребления вбрасывается и активно поддерживается так называемой инфраструктурой потребления еще одна идея-средство для идеи-цели о сокращения населения, основанная на пропаганде безответственного потребительства и его антисемейной составляющей. Мол, жить надо в кайф, без всякой ответственности перед кем-либо, а рождение детей — это обуза, расточительство, отказ от свободы и т.д. Причем пропаганда потребительства и жизни для себя-любимого противоречит вышеизложенной идее-средству о том, что ресурсов на планете не хватает, поскольку именно потребительская идеология расшатывает экологическое сознание человека и общества. Однако обе идеи (о недостатке ресурсов на всех и о потребительском бездетном образе жизни) работают на сокращение рождаемости.

Следующая совокупность идей-средств — это философия ювенальной юстиции, скрываемая под благовидным лозунгом защиты прав ребенка. Когда люди понимают, что у них могут забрать детей по надуманным предложениям или когда они считают себя недостаточно обеспеченными, чтобы соответствовать ювенальным требованиям к родительству, у них возникает еще один демотивирующий фактор в отношении рождения детей.

Впрочем, для реализации ювенальной юстиции требуется также пошаговый алгоритм, в соответствии с которым ювенальная идея будет идей-целью. Но этот алгоритм в Европе уже был пройден через такие идеи-средства, как необходимость защиты прав ребенка, целесообразность достойного обеспечения детей родителями, трепетное отношение к сохранности детской психики; мол, нельзя наказывать детей, заставлять их делать школьные задания и осуществлять уборку в доме, так как это негативно повлияет на их личность. Каждая из этих идей-средств выглядит вполне презентабельно, и многие готовы подписаться под их здравостью. Однако то, как они реализуются в совокупности, ведет к дегуманизации общества и в далекой перспективе к его депопуляции.

Также и для внедрения гомосексуальных ценностей необходим алгоритм, из идеи-средства превращающий гомосексуализм в идею-цель. Нельзя сразу заявить о том, что гомосексуализм — это круто, прогрессивно и соответствует западным стандартам жизни. Явно большинство такое заявление не поймет. Поэтому первым шагом может быть постепенное представление в медиа-пространстве (музыкальные клипы, реклама и т.д.) не геев, а гееподобных

мужчин. Они могут быть одеты весьма вульгарно, не по-мужски, иметь обувь на каблуках, совершать гееподобные поведенческие ужимки, пластику. Но главное здесь — «чувство достаточности», позволяющее сохранить баланс без рекламного перегиба, чтобы не вызвать возмущения общественности. Мужское должно не исчезнуть в одночасье, а нейтрализовываться постепенно — под звучащий аккомпанемент позитивных оценок происходящего.

Потом подобным людям начинают выдавать какие-нибудь государственные награды и премии (за их успехи в шоу-бизнесе, писательстве, музыке и т.д.), сопровождая церемонии широким вещанием в СМИ. Параллельно говорят об их успешности в разных сферах — бизнес, искусство, государственная служба, возможно, даже силовые структуры. Причем их успешность связывается в том числе с их половой принадлежностью, вследствие чего как норма формируется образ мужчины, который имеет в себе минимум «прежней», «традиционной» мужественности. Но поначалу, показывая гееподобных мужчин, ничего не говорят о них как о гомосексуалистах, равно как сначала место мужского занимает не анти-мужское, а уни-сексуальное, смешанное, находящееся на грани между мужским и анти-мужским. Постепенно происходит сдвиг по шкале, в которой один полюс указывает на брутально мужское, а противоположный — на анти-мужское. Стиль одежды и формы поведения становятся со временем все менее мужскими. Так подвергаются эрозии социально принятые установки на гендерные роли, на то, что свойственно мужчинам, а что — женщинам. Вследствие таких шагов, допустим, мужчину-зрителя может сексуально привлечь медиаперсонаж, потому что поначалу он выглядит как женщина. Но когда узнается, что он — мужчина, у зрителя возникает осознание, что его сексуально привлек человек того же пола. А поскольку человеку свойственно снижать долю критичности по отношению к самому себе, использовать психологические защиты, следующей мыслью возможна что-то вроде: «Думаю, это не так уж аномально». Дети же будут воспринимать происходящее значительно менее критично в силу того, что у ребенка не сформировался достаточный нравственный, идеологический, мировоззренческий стержень, он более склонен интериоризировать ценности, продвигаемые любыми формами рекламы и пропаганды.

Позже, когда эти гееподобные медийные персонажи обретут популярность и уважение в народе, сначала мельком, не привлекая слишком широкого внимания, начинают появляться сообщения об их нетрадиционной ориентации. Так на уже созданный положительный образ накладывается информация, которая большинством воспринимается негативно. Но позитивный образ плюс отрицательные сведения дают по крайней мере нейтральный в оценочном смысле эффект. И к геям снижается доля критичности: в конечном счете ведь гениальные или просто успешные люди (Петр Чайковский, Фредди Меркюри, Элтон Джон, Роб Хэлфорд) известны гомосексуальной ориентацией.

Потом продолжается медиа-работа, направленная на поддержание и усиление позитивного образа данных людей как красивых, стильных, успешных, уважаемых. Соответственно, возникает пусть даже слабая, но все-таки связка, которая указывает на то, что гомосексуализм сопряжен с хорошим стилем в одежде, с успешностью в творчестве и в труде, с социальным уважением. Интересный парадокс: если долгое время ненавязчиво убеждать людей, что определенный никому не известный человек всеми уважаем, он становится

известным и уважаемым большинством. То же самое применимо не только к человеку, но и к какому-то поступку, образу жизни, ранее считавшимся маргинальными и антиценными. Для разрушения стереотипа, что гей — это обязательно во всех случаях и по всем критериям анти-мужчина, возникают медиа-образы брутальных качков, отлично выглядящих мачо, которые признаются в своей нетрадиционной ориентации. Так формируется убеждение, что гей — это вовсе не обязательно бесхребетное существо, а им может быть «настоящий» мужик, представляющий собой гору мускул на внешнем уровне и воинственность с необычайной силой воли на внутреннем уровне.

Во-первых, нами представлен далеко не полный вариант функционирования «окна Овертона» для идеи-цели «снижение рождаемости». Понятно, что учесть все нюансы, каждую возможную идею-средство невозможно при научном описании весьма масштабного идеологического процесса. Во-вторых, мы описали сейчас не просто пример. В реальности многие деятели современного Запада неоднократно говорили о необходимости «расчищения» планеты от «избыточного» населения.

Заинтересованный читатель найдет огромное количество данных о стремлении представителей транснационального бизнеса и сращенных с ними политических деятелей США сократить население планеты в разных источниках [3], [4]. За неимением места в этой статье мы не будем перечислять все представленные факты.

Неолиберальный демонтаж социального государства — еще одна актуальная сегодня идея, которая также реализуется посредством «окна Овертона». Экономическая и политическая мощь транснациональных корпораций в мире неуклонно нарастает. Бюджет некоторых из них превышает бюджеты целых государств. Мощь ТНК позволяет им влиять на решения правительств разных стран. В отличие от правительств, ТНК никому не подотчетны. Они заинтересованы в том, чтобы социальные государства как барьеры для их бизнеса отмирали. Корпорациям не выгодно функционирование того, что ранее называли достижением социал-демократии: сильные профсоюзы и другие защищающие права трудящихся организации, пенсии, пособия и другие социальные выплаты. Эти вещи выступают для ТНК издержками.

Как можно взрастить в массах спокойное принятие ослабления социальных государств в качестве данности? Вбрасывается идея-средство о том, что в мире глобализации ответственность национальных государств размывается, передается наднациональным структурам, и это представляется естественным и неизбежным явлением. Далее говорится, что только стоящие выше государств наднациональные структуры способны решить ряд мировых проблем, с которыми национальные государства не могут справиться априори — в первую очередь экологические проблемы, которые действительно стали международными. И поэтому государствам надлежит свои полномочия передавать наднациональным институциям.

Одновременно тиражируется либеральная идея-средство о том, что каждый человек свободен, а потому только он творец своего счастья, только он виновен в своих бедах, и никакие структуры ему помогать не должны, дабы не возвращать в нем несамостоятельного патерналиста с рабским сознанием, сидящего на шее правительства и своего народа. Мол, неэффективно тратить

общественные ресурсы на тунеядцев. На первый взгляд в этой мысли видим апелляцию к некоей социальной ответственности. На деле данная мысль является инверсивным пониманием ответственности, поскольку она оправдывает отход государства от ответственного поведения по отношению к народу. Она легитимирует отчуждение государства от социальной сферы, от социальных гарантий, от выплат пособий и пенсий.

Затем возникают в СМИ дискуссии о возможности, а потом и необходимости повышения пенсионного возраста. Объясняется это доводами типа «было зафиксировано, что человек после увольнения и выхода на пенсию начинает быстро стареть, поскольку утрачивает круг общения, обрекается на психологическое одиночество»: следовательно, для профилактики преждевременного физического и психологического старения повышение пенсионного возраста необходимо. Сначала повысят пенсионный возраст, потом под новое «объяснение» сделают это снова, а позже и вовсе откажутся от пенсий, ибо пенсионная система «неэффективна» — типичный и распространенный термин либерализма, который печется не о социальной пользе, а об индивидуальной выгоде — тех же ТНК как формы наиболее крупного бизнеса. Старики потеряют социальное уважение. Немошь в согласии со вполне либеральным тезисом будет считаться личным проклятием, за которое человек несет индивидуальную ответственность.

Но для этого нужно воспитать общество таким образом, чтобы подорвать авторитет старости. Здесь можно использовать идею М. Мид о новой форме культуры, где уже не старики обучают молодых, а все происходит наоборот. Целесообразно усилить эту идею-средство другой — апелляцией к информационному обществу, которое претерпевает стремительные изменения, не снисходя прошлым поколениям. В условиях описанной З. Бауманом «текущей современности» знания, мудрость и опыт стариков теряют актуальность, не отвечают технологическим, социокультурным и т.п. нормам современного общества, которое не нуждается в передаче опытно-знаниевого багажа из поколения в поколение. К тому же, в соответствии с известным тезисом возрастной психологии, именно молодежь имеет психологический ресурс адаптации к новому, именно молодые люди умеют наиболее эффективно интериоризировать новые знания, обучаться новым навыкам, схватывать все на лету. Старикам в силу обусловленного возрастом психологического консерватизма такие способности уже не даны. К тому же большинство знаний есть в интернете, стоит открыть электронную библиотеку, и она ответит на любой вопрос. Следовательно, с использованием научных концепций (отчасти с фальсификацией и/или гипертрофированным представлением научных идей) делегитимируется роль стариков как мудрых советников и наставников, а заодно и как ценных для общества людей, которых необходимо поддерживать. У стариков же такая пропаганда будет вызывать чувство ненужности, того, что они не способны помочь молодым.

Следующей идеей-средством может стать эвтаназия, обращенная к экономически неэффективным, а значит, ненужным людям. Поначалу она будет представляться как личное право каждого, а давление пропаганды начнет сподвигать стариков добровольно воспользоваться этим правом. Им будет психологически тяжело мириться с мыслью, что они не могут работать и сидят на шее — нет, не у государства, которое к тому времени перестало выплачивать пенсии и вообще превратилось в формальный и безвольный в социальном плане

институт, — а у внуков. Обедать трудящихся родственников — это безнравственно, как скажут «воспитывающие» общество СМИ. Трудящиеся родственники, в свою очередь, на которых тоже будет оказывать давление «пропаганда эффективности», станут относиться к добровольному уходу бабушек и дедушек в мир иной как к чему-то естественному, а позже — необходимому. Потом, когда общество потеряет всякое уважение к старикам, эвтаназия по отношению к нетрудящимся (и не только старикам) станет обязанностью. Следует добавить, что это же нововведение может служить идеей-средством для идеи-цели сокращения населения, а не только демонтажа социального государства.

Описанные выше варианты реализации «окна Овертона» — не просто примеры. Глядя на трансформационные процессы в сфере ценностей и смыслов, происходящие сейчас в первую очередь на Западе, велика вероятность разговора об актуальности этих «примеров». Не намного меньше актуальности эти «примеры» имеют для России, учитывая два «нюанса»: 1) ставшее чуть ли не имманентной культурной особенностью российских элит стремление к неразборчивому осуществлению заимствований с Запада, 2) наличие в правительстве сильного либерального лобби, которое зарекомендовало себя губительными для России реформами 90-х гг. и попытками возобновить антинародный курс реформ.

При взгляде на современные западные ценности следует сказать, что происходящая постмодернистская деконструкция становится вариантом реализации прямого и косвенного насилия над культурой. Она нейтрализует остатки гуманизма под флагом красивых слов (толерантность, демократия, права человека, права ребенка), которые совершенно не отражают происходящие процессы.

Из всего сказанного выше вовсе не следует делать однозначный вывод, что западные культуры в своем ценностном расчеловечивании достигли точки невозврата. Пока рано сгущать краски, поскольку объект нашего внимания сохраняет в себе здоровые ценности. Однако тенденции дегуманизации идут весьма быстро и целенаправленно, побеждая своих гуманистических оппонентов. И эта динамика вызывает сильную тревогу за будущее западной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЖИЖЕК С. **Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе.** Предисл. А. Павлова; пер. с англ. — Екатеринбург: Гонзо, 2014. — 472 с.

2. ИЛЬИН А. Н. **Проблема информационного консьюмеризма** // Информационное общество №6, 2013. С. 22–28.

3. ЛЕКСИН В. Н. **Идеологические основы упадка современного института семьи** // Общественные науки и современность № 2, 2011. С. 29–42

4. ЭНГДАЛЬ У. Ф. **Семена разрушения: Тайная подоплёка генетических манипуляций.** — СПб.: Нестор-История, 2009. — 320 с.